

Отрезвляющий отвар

Застава Яньмэнь. В долгой реке истории это место всегда было овеяно славой и кровью. Удержать её — значило удержать врата в страну. Покуда застава Яньмэнь стояла неприступной, кочевникам оставалось лишь мечтать о том, как они ворвутся на Чжунъюань и предадутся грабежу и убийствам.

Конечно, это было некоторым преувеличением. Желаящий попасть в Чжунъюань всегда нашёл бы лазейку вдоль Великой стены. Но в произведениях потомков Яньмэнь упоминалась неизменно, и на то было три причины. Во-первых, её защищал самый неприступный горный рельеф. Во-вторых, за две тысячи лет она стала свидетельницей бесчисленных войн, и многие из величайших сражений, известных по обе стороны стены, разразились именно здесь. В-третьих, прославленная Армия Чжэньбэй и её доблестный предводитель, Чжэньбэй-ван, всю свою жизнь стремились сюда вернуться.

Обретение и потеря, возвращение и новая утрата... С гибелью Цюй Юньме Армия Чжэньбэй растворилась в реке времени, но застава Яньмэнь осталась, всё так же ожидая отважных полководцев, готовых отдать жизнь за её камни.

Сяо Жун выглянул из повозки. Округ Яньмэнь раскинулся на высокогорье, среди бесчисленных гор. Даже лошадям, тянувшим повозку, приходилось нелегко, что уж говорить о пеших путниках. Горные районы трудно развивать — эта истина была известна всем. Даже в современности географические проблемы не решались в одночасье. Любой, кто метил в правители Поднебесной, даже с закрытыми глазами понял бы, что нельзя делать это место своей основной базой. Столицу следовало переносить на равнины.

Но Цюй Юньме было всё равно. Ему нравилось здесь, и именно здесь он собирался строить свою державу.

Стоило об этом подумать, как Сяо Жун снова помрачнел.

На пути Чжэньбэй-вана к вершинам власти величайшим препятствием была не Южная Юн, считавшаяся в глазах народа законной династией. И не Чэньлю-ван, что с вожделием поглядывал на его земли и в итоге одолел его. И даже не Дунъян-ван, притворявшийся простаком, а в итоге захвативший победу.

Главным препятствием был он сам — Цюй Юньме. Самонадеянный, глухой к советам, подозрительный, презирающий учёность и ценящий лишь грубую силу, жестокий и кровожадный болван, который только и умел, что навлекать на себя беду.

Повозка, в которой ехал юноша, была немногим лучше предыдущей — чуть изящнее, с крышей, но по-прежнему без двери или хотя бы занавески спереди.

Цзянь Цяо украдкой наблюдал за ним. Заметив, что господин Сяо снова не в духе, генерал, как ни странно, успокоился. Значит, вчерашний Сяо Жун не был иллюзией. Он действительно был таким — переменчивым, как погода.

Конечно, талантливые люди имели право на причуды, но, вспоминая о собственном государе, ещё более талантливым и несравненно более капризным, Цзянь Цяо не мог не тревожиться.

«Уговорил ли Гао Сюньчжи нашего Великого вана? Ради великого дела нужно проявить немного терпения. Государь ни в коем случае не должен снова прогнать Сяо Жуна...»

По плану генерала, пока Гао Сюньчжи будет умащивать Цюй Юньме, он сам займётся Сяо Жунуном. Двойной подход должен был принести двойной результат.

Но Цзянь Цяо и не подозревал, что миссия Гао Сюньчжи с треском провалилась. Их достопочтенный государь, прослышав, что «шарлатана» пригласили в округ Яньмэнь, уже решил лично явиться и разоблачить обманщика.

Когда они прибыли в главный город, Цзянь Цяо лично помог Сяо Жуну сойти с повозки. Его отношение было безупречным. Настолько, что юноша, несмотря на свою злопамятность, не нашёл в себе сил и дальше на него сердиться.

Неудивительно, что этот человек выжил и дожил до глубокой старости в добром здравии. Вот что значит воздаяние за добро.

Впрочем, именно этот «добрый человек» ничуть его не пощадил, выставив на посмешище. Нет, пусть ещё немного помучается.

Сяо Жун сошёл на землю с непроницаемым лицом. Отсутствие улыбки было его наказанием для Цзянь Цяо, но тот, казалось, совсем не переживал. Человек уже в его руках — кому какое дело до улыбки?

Здоровье господина Сяо было хрупким, поэтому все подстраивались под его неспешный шаг. Пока они шли, генерал рассказывал ему о городе. Тот оказался лучше, чем представлял себе юноша: всё необходимое имелось, а жители выглядели мирными и довольными. Вот только людей с оружием было на удивление много, причём как мужчин, так и женщин.

Каждый, кто видел Сяо Жуна, неизменно застывал в изумлении, но, в отличие от жителей других городов, здесь люди приходили в себя гораздо быстрее, словно уже выработали иммунитет к красоте.

Сяо Жун заметил это, но не придавал значения. Всё его внимание было сосредоточено на изучении города. Если не случится ничего непредвиденного, именно здесь он начнёт воплощать в жизнь свои планы.

Юноша внимательно осматривался, а Цзянь Цяо продолжал рассказ. Когда они проходили мимо чайной, несколько детей, игравших неподалёку, затянули песенку. Сначала Сяо Жун не обратил на них внимания, но, услышав слова, резко обернулся.

— Знамя Чию возшло на севере, Суйсин благосклонна, но на востоке.

— Война грядёт, полководец падёт, небесный огонь сойдёт, и всё живое возродится.

Дети громко и раз за разом выкрикивали эту незамысловатую, но зловещую песенку. Такова уж детская природа: стоит услышать что-то новое, как они будут повторять это без умолку. Однако содержание было весьма тревожным.

Даже генерал Цзянь, человек не слишком образованный, но грамотный, услышав песню, изменился в лице. Когда он в прошлый раз был в Яньмэне, этой песенки ещё не слышали.

Он тут же схватил одного из мальчишек и гневно спросил:

— Кто научил вас этой песне?!

Сяо Жун молча наблюдал за ними, переводя взгляд с лица генерала на испуганного ребёнка. Похоже, Цзянь Цяо знал этих детей. Впереди уже виднелась резиденция вана, и игравшая здесь детвора, скорее всего, была отпрысками воинов Армии Чжэньбэй.

Он не вмешивался, просто смотрел, как генерал допрашивает мальчика. Тот был напуган, но не решался заплакать, лишь всхлипывал и лепетал какие-то детские прозвища — видимо, имена других детей.

Добиться чего-то вразумительного не удавалось. Сяо Жун огляделся по сторонам. Остальные дети разбежались, едва Цзянь Цяо рассердился. Лишь одна девочка лет семи-восьми с тревогой стояла поодаль, словно хотела заступиться, но не смела подойти.

Черты её лица были красивы, но кожа сильно пострадала от сурового климата — на щеках уже проступил розовый румянец высокогорья. Часть волос была распущена, а часть заплетена в косички, украшенные разноцветными кистями, свисавшими с шапочки.

Так не оделся бы никто из жителей Центральных равнин. Это был ребёнок из другого народа.

Возможно, Сяо Жун смотрел на неё слишком долго. Девочка почувствовала его взгляд, подняла голову и, увидев его лицо, сперва замерла, а затем развернулась и бросилась прочь, быстрая, как испуганный заяц.

Тем временем Цзянь Цяо, поняв, что ничего не добьётся, отпустил мальчика, выпрямился и виновато обратился к господину Сяо:

— Прошу прощения, господин. Это дети наших солдат, избаловались совсем.

Сяо Жун, не отрывая взгляда от того места, где скрылась девочка, рассеянно проговорил:

— Дети не знают, что такое Знамя Чию.

Генерал замер, смущённо поджав губы. Он был ровесником Цюй Юньме, ему, как и вану, в этом году исполнилось двадцать четыре. Женат, но бездетен, он большую часть времени проводил в походах, и ему редко выпадал шанс научиться хитрости.

Знамя Чию — это комета. В начале года она вернулась, медленно прочертив свой путь по небу и исполнив очередной цикл. Она не подозревала, что на этом континенте все кометы носили одно общее имя — «звезда-метла». И каждой из них давали своё собственное, зловещее название. Когда такая звезда появлялась, люди сверялись с записями предков. Эта — к войне, та — к заговору и мятежу, а вот эта — к смерти императора.

Знамя Чию символизировало войну и гибель полководца.

Астрология — суеверие, но здешние люди этого не знали. Пророчества — вздор, но и этого они не ведали. Комета появилась в шестой год эры Шэндэ, а Цюй Юньме погиб лишь четыре года спустя. Связи между этими событиями не было, но и это оставалось для них тайной. Когда властители связывали воедино разрозненные факты, простому народу оставалось лишь верить — хотел он того или нет.

Как эта песенка проникла в самое сердце владений Великого вана, Сяо Жуна пока не слишком заботило. Он хотел знать лишь одно: кем была та маленькая девочка.

Но на его вопрос Цзянь Цяо лишь растерянно моргнул:

— Девочка? Какая девочка?

Сяо Жун промолчал. Бесполезно.

Они прибыли так поспешно, что отдельный дом для юноши подготовить не успели, и генерал разместил его у себя.

Устроившись, А Шу отправился разузнать обстановку. В каждом новом месте он первым делом выяснял бытовые детали, чтобы господин не испытывал неудобств.

Когда он ушёл, Сяо Жун остался сидеть в кресле, погружённый в свои мысли. Он впервые в жизни увидел живого представителя племени Бутэу.

Бутэу — совершенно особенный народ. Никто не знал, когда он появился, но все знали, когда он исчез.

Другие народы — хунну, усунь, жужани и даже сяньби — тоже исчезли, но они растворились в крови Срединной империи. Исчезли их имена, но потомки продолжали жить. С Бутэу всё было иначе. Они исчезли полностью.

Племя Бутэу вело своё происхождение из гор Бусянь. Горная цепь была необъятной, и где именно они жили, потомки так и не смогли выяснить. В конце концов, исследователи сдались, оставив эту загадку неразгаданной.

Тридцать лет назад небеса разверзлись снегом. Жители равнин страдали, но в горах было ещё хуже. Племя Бутэу жило в самой глуши. Видя, что их народ на грани гибели, их вождь и королева решила увести всех с гор в поисках спасения.

Они были матриархальным обществом, и приказ королевы был превыше всего. Когда они спустились с гор, их было более пяти тысяч — сила, достаточная, чтобы вызвать настороженность у жителей равнин, но недостаточная для самозащиты. Напади на них кто-нибудь, и они не смогли бы дать отпор.

Именно тогда они столкнулись с другой силой — беженцами из округов Ляодун и Ляоси. Те хотели пройти на юг, через заставу Яньмэнь, чтобы найти там новую жизнь. Две группы едва не сошлись в битве. Возможно, стычка и произошла, но она лишь сблизила их. Узнав, что их цели совпадают и враждебных намерений ни у кого нет, предводители обеих групп после переговоров решили объединиться.

Этими предводителями были родители Цюй Юньме. А разношёрстная толпа почти в десять тысяч человек стала первым воплощением Армии Чжэньбэй.

История Армии Чжэньбэй была настолько вдохновляющей, что её без конца пересказывали

потомкам. А племя Бутэу, чья гибель была столь трагичной и трогательной, тоже стало частью легенды, на протяжении веков вызывая слёзы у людей.

Вначале их было более пяти тысяч. После переселения осталось чуть больше четырёх. Двадцать три года назад, после жестокой битвы, их осталось две тысячи. Десять лет назад, после кровавой бойни у заставы Яньмэнь, — восемьсот.

И эти последние восемьсот воинов стали самой верной опорой Цюй Юньме, его живым щитом, вечно прикрывавшим спину. Они сражались с ним до самого конца. Когда Великий ван был схвачен, из них в живых осталось чуть больше двухсот.

Эти последние двести человек были, словно скот, согнаны на площадь. Напротив, у стены скотного двора, был распят непобедимый Чжэньбэй-ван.

Ему отрубили ногу, мясо срезали и приготовили из него мясную кашу. Тиран, захвативший его, стоял наверху и хохотал, обещая отпустить каждого, кто съест это.

Цюй Юньме молчал. Он был ещё жив и смотрел, как люди тирана с чашей в руках подходят к его соплеменникам и спрашивают, будут ли они есть. За каждым отказом следовал удар меча.

Двести восемнадцать — такова цифра в исторических хрониках.

Никто не съел. И потому все они умерли. Когда пали последние из двухсот семнадцати, площадь превратилась в ад на земле. Даже люди тирана не выдержали и стали просить за последнего оставшегося в живых — маленькую девочку. Было видно, что она совсем ребёнок.

Весь её народ погиб у неё на глазах. Девочка рыдала до разрыва сердца. Она не была воином, не бывала на поле боя, она даже имени своего не могла выговорить, только плакала. Но тиран, взбешённый упрямством этих людей, потерял рассудок. Ему было всё равно, насколько жестоким будет убийство ребёнка. Он махнул рукой, приказывая слуге спросить и её.

Слуга тоже проникся жалостью. Он не стал спрашивать, а просто поднёс чашу к губам девочки. Достаточно было одного прикосновения, и он смог бы сказать, что она поела. Но девочка, увидев его движение, отчаянно забилась, отшатываясь назад. Это явное сопротивление, конечно же, увидел и тиран...

После её смерти кто-то тайно подобрал её останки и похоронил за городом. История о ней быстро разлетелась по всей стране. Бесчисленное множество людей укрепляли её могилу, писали о ней стихи и картины.

За полторы тысячи лет сколько башен и дворцов обратилось в прах, но её могила сохранилась и даже стала достопримечательностью.

Этот памятник назывался Могила Девы из Бутэу. Именно благодаря ему прославилось племя. И благодаря ему, как бы последующие правители ни пытались очернить имя Армии Чжэньбэй и её предводителя, их всё равно помнили.

Сяо Жун бывал у этой могилы, смотрел снятый по мотивам сериал и даже исполнял танец на эту тему. Классический танец не мог обойтись без таких известных исторических сюжетов, и произведения, посвящённые Деве из Бутэу, всегда были полны трагического пафоса.

Честно говоря, ни посещение достопримечательности, ни танец не вызывали в нём сильных чувств. Но сейчас, встретив ту маленькую девочку, он невольно задумался: а не была ли она той самой, знаменитой Девой?

Он встряхнул головы, отгоняя наваждение. Никто не знал имени того ребёнка. А он, ради спасения собственной жизни, ни за что не допустит, чтобы племя Бутэу постигла та же участь.

Едва Сяо Жун, тронутый своими мыслями, дал себе это великое обещание, как на него обрушился холодный душ.

— Повтори! — недоверчиво потребовал он от Цзянь Цяо.

На лбу генерала выступил холодный пот.

— Кроме господина Гао, Великий ван не любит, когда советники сопровождают армию. Господин, вам лучше остаться в округе Яньмэнь...

Сяо Жун потерял дар речи.

— Если я не последую за государем, кому я буду предлагать свои стратегии?! И если он совершит ошибку, кто его остановит?! — взорвался он.

А главное, если Цюй Юньме снова начнёт лезть на рожон, кто его удержит?!

Цзянь Цяо ошеломлённо уставился на него. В его голове пронеслась мысль, которую он не осмелился высказать вслух.

«А разве твои советы ему помогут? Да перед государем слово простого стражника весит больше, чем твоё!»

Напрягая все свои извилины, генерал сумел лишь выдать утешение:

— Когда господин совершит новые подвиги и заслужит восхищение государя, возможно, его предвзятость уменьшится, и ваше желание исполнится.

— Предвзятость, — повторил Сяо Жун.

Цзянь Цяо замер.

Юноша прищурился.

— Какая предвзятость?

— Э-это... — залепетал генерал.

Сяо Жун сделал шаг вперёд и с обманчивой улыбкой спросил:

— Так значит, государь действительно ко мне предвзят?

В этот момент появился стражник, чтобы позвать Цзянь Цяо. Тот, словно получив амнистию, бросился к выходу, крича на бегу:

— Господин, подождите немного, я сейчас вернусь! А вы, живо, подавайте господину лучшие яства и вино!

Сяо Жун остался один. Скрипнув зубами, он решил, что сначала стоит утолить голод, тем более что желудок действительно требовал своего.

Еда здесь была куда лучше, чем в гостинице. Жена генерала даже распорядилась прислать два кувшина вина. Сяо Жун сперва не собирался пить, но, узнав, что вино называется Цзянцзюнь нян (Генеральское вино), его глаза округлились.

Это вино было весьма знаменито. Исторически это был первый задокументированный крепкий алкогольный напиток. Говорили, что его изобрёл отец Цюй Юньме, чтобы согреть солдат в лютые холода.

Правда это или нет, юноша не знал, но попробовать захотел. Хоть вино и считалось крепким, но в древности технологии были примитивными. Без дистилляции насколько крепким оно могло быть?

Жена Цзянь Цяо оказалась на редкость заботливой: прислав вино, она хотела прислать и красавиц, но Сяо Жун лишь махнул рукой, отсылая их прочь.

«Всё равно не так хороши, как я».

Бокал за бокалом.

Юноша ни за что бы не признался, но это был первый раз в его жизни, когда он пил алкоголь. Раньше он был прилежным мальчиком, следил за фигурой и к спиртному не прикасался. Оказавшись здесь, он был слишком подавлен, чтобы пить. Если бы не слава Цзянцзюнь нян, он бы и не вспомнил о нём. Но когда напиток обжёг горло, он показался ему на удивление приятным. Не зря люди становятся зависимыми от выпивки.

Сяо Жун и не заметил, как щёки его залились румянцем, а рука, наливавшая вино, стала промахиваться мимо чаши. Нахмурившись, он склонился ниже, пытаясь совместить горлышко кувшина с краем чаши, как вдруг входная дверь с грохотом распахнулась.

Раздался звон — но не двери, а разбившегося оземь кувшина.

Юноша ошеломлённо уставился на расплывающуюся по полу лужу.

— Пролилось, — тихо и с горечью проговорил он.

Стоявший в дверях Цюй Юньме с подозрением разглядывал так называемого шарлатана. Не слишком ли молод? Может, он ошибся дверью? Но сомнение длилось лишь мгновение. Он не ошибся. Это шарлатан пытался его запутать.

Резким движением закрыв за собой дверь, Великий ван решил разобраться с ним.

Из-за румянца на лице юноши он не заметил его болезненной бледности, но поразительную красоту увидел сразу. Цюй Юньме небрежно скользнул по нему взглядом, затем снова, и снова. За те несколько шагов, что он проделал, его глаза, словно сканер, снова и снова проходились по фигуре Сяо Жуна.

Цюй Юньме нахмурился.

«Никогда не слышал, чтобы шарлатаны обладали такой внешностью. Хм, наверняка не просто шарлатан, а ещё и шпион».

Он подошёл к Сяо Жуну и успел произнести лишь одно слово:

— Я...

Но тут юноша резко распахнул глаза и инстинктивно отскочил в сторону.

— Напугал! Ты когда вошёл?!

Цюй Юньме замолчал. Сяо Жун нахмурился.

— Я тебя не знаю. Ты кто такой?

Чжэньбэй-ван молчал. Он не мог понять, пьян Сяо Жун или притворяется. Но его молчание, казалось, лишь раззадорило юношу.

— Вижу, ты мужчина видный, величественный, прямо как я.

Цюй Юньме окинул взглядом своё мощное, мускулистое тело, а затем — хрупкую, словно на размер меньше, фигурку собеседника.

— Ты тоже пришёл служить Чжэньбэй-вану? Мой тебе совет: не стоит. Этот человек самонадеян, глух к советам, подозрителен, презирает учёность и жесток.

Цюй Юньме лишь пристально смотрел на Сяо Жуна. А вот Цзянь Цяо, подслушивавший за окном, застыл с отвисшей челюстью. Ему вдруг показалось, что на тот свет они отправятся вместе.

Перечислив все эти эпитеты, Сяо Жун гордо вскинул голову, выглядя очень довольным собой. Цюй Юньме помолчал мгновение, а затем усмехнулся.

— Вот как. Если Чжэньбэй-ван... так ничтожен, — процедил он сквозь зубы последние слова, — то зачем ты пришёл к нему на службу?

«Проклятый шпион, говори. Как только скажешь, я прикончу тебя!»

Юноша взглянул на него и тоже усмехнулся.

— А тебе какое дело?

Цюй Юньме застыл. Цзянь Цяо застыл.

«Жена, после моей смерти выходи замуж как можно скорее».

Великий ван не отличался терпением. Он не стал бы выпытывать ответ, чтобы потом нанести удар. Не получив ответа с первого раза, он не стал спрашивать во второй. Выхватив из-за спины свой меч, он с резким скрежетом извлёк его из ножен. Сяо Жун, не выдержав пронзительного звука, зажал уши. Увидев сверкающее лезвие, он в ужасе закричал:

— Что ты делаешь?! Убить готов только потому, что я тебе не ответил? Ладно, скажу! Я пришёл к нему, потому что должен был прийти!

Цюй Юньме замер.

— Кто тебя послал? — тут же спросил он.

— Никто меня не посылал. Я сам пришёл.

Чжэньбэй-ван нахмурился:

— Зачем?

Сяо Жун бросил на него взгляд, полный презрения, словно говоря: «Что за глупый вопрос».

— Я пришёл, чтобы помочь ему. И спасти его.

Цюй Юньме холодно усмехнулся:

— Ты?

Юноша вскочил на ноги.

— А что я? Я знаю ход событий в Поднебесной, я понимаю коварство человеческих сердец! Пока я рядом, никто не сможет обмануть Чжэньбэй-вана!

— Но ты только что поносил его! — возразил Цюй Юньме.

Сяо Жун тут же умолк, уставившись на Великого вана с укором, словно тот сказал что-то настолько логичное, что ему и возразить нечего.

— Это называется «любя, порицаю». Что ты понимаешь? Ты когда-нибудь кем-нибудь восхищался? Ты рос на чьих-то подвигах? Ты, как я, гнался за Чжэньбэй-ваном три тысячи ли? Три тысячи ли! Кто ещё в этом мире, кроме меня, пойдёт за ним до конца?!

Юноша яростно смотрел на Цюй Юньме. Закончив свою тираду, он пошатнулся. Голова, видимо, закружилась, и он снова плюхнулся на стул. Но даже сидя, он продолжал бормотать:

«Чжэньбэй-ван не хочет меня... я хочу в Армию Чжэньбэй... моё вино...»

Цюй Юньме промолчал. Он наконец осознал, насколько недостойно спорить с пьяницей. Помедлив, он резким движением вложил меч в ножны и повернулся, чтобы уйти. Но, прежде чем выйти, он снова поколебался, глядя на покачивающийся затылок юноши.

Сердце Цзянь Цяо едва не выпрыгнуло из груди. Наконец, Великий ван всё же пощадил прекрасную голову Сяо Жуна. Выйдя, он смерил генерала ледяным взглядом и гневно бросил:

— Вот кого ты мне привёл!

Цзянь Цяо опустил голову, не смея возразить.

— Приготовь ему отрезвляющий отвар. Утром, как протрезвеет, пусть явится ко мне!

Генерал согнулся в поклоне. Лишь на полпути до него дошёл смысл сказанного. Он резко вскинул голову, едва не свернув шею.

«Что? Ещё и отвар ему готовить?»

В армии, если кто-то напивался, его просто оставляли спать мертвецким сном. Ни о каком отрезвляющем отваре никто и не слыхивал. Цзянь Цяо растерянно моргнул, но потом вспомнил, что Сяо Жун — человек учёный, и понял, что это, должно быть, их обычай.

Впрочем, неважно. Главное, что государь его не убил.

Снаружи на лице генерала просияла радость, и он проворно побежал готовить отвар. А внутри Сяо Жун перестал раскачиваться. Глядя на остатки ужина, он почувствовал, как по виску стекает капля холодного пота.

«К счастью, на время удалось выкрутиться. Разве не говорили, что Цюй Юньме в городе Аньдин и пробудет там ещё полмесяца?! Проклятье. Алкоголь чуть не сгубил его!»

<http://bllate.org/book/15355/1412933>